Библейско-богословская коллекция
Серия «БИБЛЕИСТИКА»
Золотой фонд русской библеистики

Архиепископ
ИОАНН (Смирнов)

ПРОРОК ИОНА

Кафедра
библеистики МДА

Фонд
«Серафим»

Москва
2006

ПРОРОКЪ

ІОНА.

И. Смирнова.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Донская, д. Зоркиной.
1877.

ПРОРОКЪ IОНА.

Пророкъ Іона.

Въ 4-й кн. Царствъ, въ 14 гл. ст. 25, повѣствуется, что Іеровоамъ II, царь Израильскій, „возстанавилъ границы Израиля отъ входа въ Хамаѳъ до моря пустыннаго (мертваго), по слову Іеговы, Бога Израилева, которое Онъ сказалъ чрезъ раба своего Іону, сына Амитаева, пророка изъ Гат-хефера“ (въ удѣлѣ кол. Завулонова, см. Іис. Нав. 19, 13). Это пророчество Іоны о расширеніи предѣловъ Израильскаго царства не дошло до насъ, но за то до насъ дошла книга пророка Іоны, сына Амитаева (слав. Амаѳіина), значитъ, принадлежащая тому же лицу, которому принадлежитъ и пророчество, — книга, въ которой простымъ, прозаическимъ языкомъ разсказывается о Божественномъ посольствѣ Іоны въ Ниневію за тѣмъ, чтобы возвѣстить погибель сему городу, о попыткѣ пророка чрезъ бѣгство въ Ѳарсисъ (Финикійская колонія въ Испаніи) освободиться отъ такого порученія, о Божіемъ наказаніи ослушника и раскаяего, о покаянной проповѣди его въ Ниневіи и благоуспѣшныхъ послѣдствіяхъ ея, о ропотѣ пророка къ Богу на помилованіе Имъ покаявшихся Ниневитянъ и вразумленіи его со стороны Бога.

1. Посольство Іоны въ Ниневію, его бѣгство и наказаніе за это.

Разсказъ книги прямо начинается формулою: „и было слово Іеговы къ Іонѣ, сыну Амитаеву,“ формулою, соединяющею между собою извѣстный принятый рядъ событій, совершающихся по-

слѣдовательно, по времени, одно за другимъ, хотя бы эти соединяемыя событія передавались и въ разныхъ священныхъ книгахъ (см. Руѳ., 1, 1; 1 Цар. 1, 1 и друг.) и потому нисколько не принуждающею къ предположенію такого рода, что слѣдующій за этою формулою разсказъ въ книгѣ пророка Іоны есть отрывокъ изъ нѣкоего большаго сочиненія, до насъ не дошедшаго. Слово Божіе говорило пророку: „встань, поди въ Ниневію, *большой городъ оный и возглашай противъ него*", угро жай ему наказаніемъ, „ибо зло его взошло предъ лице Мое". И такъ пророкъ посылается въ Ниневію, главный въ то время городъ Ассирійскаго царства и резиденцію Ассирійскихъ царей, по сказанію кн. Быт. (10, 11) построенный, по переводу однихъ, Ассуромъ, а по переводу другихъ, Нимродомъ [1]), а по сказанію Греческихъ и Римскихъ писателей Ниномъ, миѳическимъ основателемъ Ассирійскаго царства,—городъ неоднократно называемый въ книгѣ большимъ городомъ, городомъ на три дня пути (Іон. 3, 2, 3; 4, 11), и называемый такъ пророкомъ не ради того, чтобы выставить — предъ своими соотечественниками могущественную силу его, а ради того значенія, какое имѣла для Бога Ниневія, какъ столица языческаго міра, какъ городъ большой у Бога именно (3, 3), какъ городъ многолюдный и потому обращавшій на себя особое попеченіе Божіе (4, 11). Этому великому языческому городу Іона долженъ возвѣщать грозное слово Іеговы, потому что „зло его взошло предъ лице Іеговы;" потомъ что развращеніе, нравственное растлѣніе Ниневіи такъ велико, что оно проникло уже на небо и вопіетъ тамъ къ Богу о мщеніи.

Но Іона не хочетъ безпрекословно исполнить волю Божію; вмѣсто того, чтобы идти въ Ниневію, „Іона всталъ, чтобы бѣ-

---

1) Быт. 10, 11, чит. такъ: царство его (Нимрода) вначалѣ составляли Вавилонъ, Эрехъ, Аккадъ и Халне въ землѣ Сеннааръ. *Изъ сей земли вышелъ Ассуръ* и построилъ Ниневію, Реховоѳъ-иръ, Калахъ. „Такъ переводили указанное мѣсто древніе. Новѣйшіе же, Евр. слово Assur принимая вмѣсто Assurah, по большей части читаютъ не такъ: „изъ сей земли вышелъ онъ (Нимродъ) въ Ассирію и построилъ Реховоѳъ-иръ, Калахъ."

жать въ Өарсисъ (Tartessus — Финикійская торговая колонія въ Испаніи) отъ лица Іеговы", чтобы бѣжать прочь изъ мѣста присутствія, изъ мѣста обитанія Божія, бѣжать изъ земли Израилевой, гдѣ Іегова обиталъ во храмѣ и Свое въ немъ обитаніе видимо и осязательно проявлялъ,—бѣжать не для того, чтобы скрыться отъ вездѣприсутствія Божія, а для того, чтобы удаленіемъ изъ земли Израилевой освободиться отъ пророческаго обязательства, которое возлагается Іеговою, Богомъ-царемъ Израиля. Мотивомъ къ этому бѣгству служитъ не страхъ предъ трудностію исполненія возлагаемаго порученія, но, какъ самъ Іона говоритъ (4, 2), опасеніе, что милосердіе Божіе помилуетъ грѣховный, языческій городъ, если тотъ принесетъ искреннее Богу покаяніе; а пророкъ между тѣмъ этого помилованія не желаетъ. Какъ истый членъ своего народа, раздѣляющій его взгляды относительно Израиля и остальныхъ народовъ, онъ въ обращеніи язычниковъ къ истинному, живому Богу опасается ущерба преимуществъ Израиля предъ язычниками, опасается отнятія у Израиля права быть только одному избраннымъ въ народъ Божій. Вслѣдствіе этого пророкъ отправился въ Іоппію, портовый городъ при Средиземномъ морѣ „и нашелъ (тамъ) корабль, шедшій въ Өарсисъ и отдалъ наемную за него плату и вошелъ въ него, чтобы бѣжать съ ними (корабельщиками) въ Өарсисъ отъ лица Іеговы" (1, 1—3). На первыхъ порахъ все, видимо, Іонѣ благопріятствовало въ его бѣгствѣ отъ Божія порученія. На первый разъ ему непришлось бороться ни съ какими препятствіями, ни съ какими затрудненіями,—и вотъ онъ, благопріятствуемый попутнымъ вѣтромъ, повидимому, совершенно безопасно плывущій на кораблѣ, мало по малу успокоивается отъ своихъ внутреннихъ мучительно-тяжелыхъ волненій, возбужденныхъ въ немъ порученіемъ Божіимъ и неисполненіемъ этого порученія со стороны пророка, онъ мало по малу, можетъ быть, даже приходитъ къ мысли, хотя и неувѣренной, полной тягостныхъ сомнѣній и колебаній,—мысли о томъ, что избѣжалъ порученія Господня, что въ чуждой землѣ, куда онъ бѣжитъ, Господь, *царь Израиля*,

не обременитъ его болѣе обязанностями пророка и, можетъ быть, оставитъ безнаказаннымъ его неповиновеніе волѣ Божіей. Пребывая въ такомъ положеніи человѣка усталаго отъ предшествующей внутренней, душевной борьбы и внѣшней порывистой и торопливой дѣятельности и въ тоже время нѣсколько успокоившаго себя разнаго рода, хотя и неувѣренными надеждами и робкими упованіями, Іона отправился во внутреннюю, или нижнюю часть корабля и тамъ предался глубокому сну. Но Богъ не оставляетъ безнаказанными ослушниковъ воли Своей святой; въ тоже время Онъ не оставляетъ неисполненными и Своихъ непреложныхъ опредѣленій и предначертаній,—и вотъ, когда Іона спалъ глубокимъ, безпечнымъ сномъ, „Іегова пустилъ на море вѣтръ великій и сдѣлалась на томъ морѣ большая буря и корабль готовъ быть разбиться.“ Буря была такъ страшна и опасность, угрожавшая кораблю, такъ велика, что матросы корабля пришли въ трепетъ за свою жизнь. Какъ происходившіе изъ разныхъ мѣстъ и потому бывшіе почитателями разныхъ божествъ, они обращаются съ молитвою о помощи каждый къ своему Богу. Но боги просимой у нихъ помощи не даютъ, буря не утихаетъ, и матросы обращаются къ находящимся въ ихъ распоряженіи человѣческимъ средствамъ спасенія: „они выбрасывали въ море бывшія въ кораблѣ вещи, чтобы чрезъ то облегчить его,“ предохранить отъ поглощенія его поднимающимися высоко бурными волнами моря и чрезъ то хоть сколько нибудь отклонить отяготѣвшую надъ ними опасность. Всѣ были въ страшномъ, боязливомъ и суетливомъ движеніи и волненіи, каждый ежеминутно ожидалъ себѣ неизбѣжной погибели; одинъ только Іона не чувствовалъ ничего, одинъ только онъ продолжалъ спокойно спать внизу корабля. Изъ этого сна пробуждаетъ его кормчій, или капитанъ корабля, пробуждаетъ въ то время, когда опасность все дѣлалась грознѣе и грознѣе. „Что ты спишь?“ мучительно и съ упрекомъ говоритъ онъ ему. „Встань, воззови къ Богу твоему: можетъ быть, Богъ вспомнитъ о насъ“, можетъ быть, поможетъ намъ, „и мы не погибнемъ“, спасемся отъ потопленія! Какъ видно изъ

послѣдующаго повѣствованія, Іона пробудился на зовъ кормчаго. А между тѣмъ матросы корабля, такъ какъ буря нисколько не унималась, думая, что буря эта есть не что иное, какъ Божіе наказаніе, посылаемое на кого либо изъ нихъ за преступленія, порѣшили жребіемъ узнать виновника постигшаго ихъ бѣдствія: „и сказали другъ другу: бросимъ жребій, чтобы узнать за кого бѣда сія на насъ?“ Въ число жребіевъ положенъ былъ и жребій Іоны, находившагося теперь уже въ средѣ матросовъ. Матросы бросили жребій, и жребій, по особенной волѣ Божіей, палъ на Іону.

Такимъ образомъ Іона былъ предъ всѣми присутствовавшими на кораблѣ обличенъ Богомъ какъ виновникъ грозной, смертельной бѣды, постигшей изъ за него цѣлый корабль со всѣми людьми, на немъ находившимися. И вотъ матросы требуютъ отъ Іоны, чтобы онъ самъ, своими устами открылъ предъ ними ту тяжкую вину, за которую постигло ихъ всѣхъ такое великое бѣдствіе. „Объяви намъ“, требуютъ они, „за кого бѣда сія постигла насъ? Какое у тебя дѣло (занятіе) и откуда идешь? гдѣ твоя отечественная земля, и изъ какого ты народа?“ Своими предложенными вопросами матросы подготовляютъ признаніе со стороны Іоны въ его винѣ. Они спрашиваютъ о занятіи Іоны, потому что это занятіе само по себѣ могло быть дѣломъ возбуждающимъ гнѣвъ Бога. Они спрашиваютъ о происхожденіи Іоны, т. е. о землѣ и народѣ, изъ которыхъ онъ происходилъ, спрашиваютъ затѣмъ, чтобы имѣть возможность составить болѣе вѣрное сужденіе объ его преступленіи. Іона отъ отвѣта не отказывается. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, какъ человѣкъ во всемъ усматривающій волю Бога, какъ человѣкъ ходящій съ Богомъ, хотя временно и падавшій, онъ внутренно сознаетъ теперь, что его надежды, его планы избѣжать Божія порученія, избѣжать безнаказанно,—надежды суетныя, неразумныя, что буря, случившаяся на морѣ, не есть что либо случайное, а есть прямое дѣйствіе всемогущаго Іеговы, Того Іеговы, Которому онъ служитъ и Который за его легковѣрное неповиновеніе волѣ Его

наказываетъ его теперь сею самою бурею. Это внутреннее сознаніе, какъ сознаніе сердца благочестиваго, искренно сознающаго свою вину и въ тоже время живо чувствующаго надъ собою власть и всемогущество Іеговы, изливается въ открытомъ предъ лицемъ язычниковъ исповѣданіи своей вины. „Я“, отвѣчаетъ матросамъ Іона, и прежде всего на послѣдній вопросъ ихъ,— вопросъ о происхожденіи, „Еврей“, — имя, которымъ сыны Израиля противопоставляли себя всѣмъ другимъ народамъ и отличали себя отъ нихъ,—„чтитель Іеговы, Бога небеснаго, Который сотворилъ море и сушу.“ Высказавши это, онъ затѣмъ прямо, съ полною откровенностью передаетъ имъ то, что привело его на ихъ корабль. Исповѣдь пророка Божія,— этого необыкновеннаго человѣка, — приводитъ матросовъ, и безъ того уже находившихся подъ дѣйствіемъ страха, въ состояніе изумленія, полнаго еще большей боязни и страха. „Что это ты дѣлаешь?“ Въ ужасѣ и трепетѣ сердца говорятъ ему они, выслушавъ его разсказъ о бѣгствѣ его отъ лица Божія. Возможное ли дѣло убѣжать отъ Бога, Который сотворилъ небо и землю? Можно ли, съ другой стороны, неповиновеніемъ оскорблять этого страшнаго Бога, Который Своимъ всемогуществомъ посылаетъ на море такія грозныя бури, отъ которыхъ готовъ погибнуть весь, совсѣми людьми на немъ, корабль, спасающій ослушника воли Божіей? (1, 4—10).

Трепещущіе отъ гнѣва Божія, такъ страшно въ бурѣ проявившагося, трепещущіе въ тоже время и отъ опасенія—еще болѣе разгнѣвить Іегову, трепещущіе того, чтобы, въ предотвращеніе грозящей опасности, самовольно не сдѣлать чего либо съ человѣкомъ Божіимъ, съ пророкомъ Іеговы, матросы не осмѣливаются сами опредѣлить мѣру наказанія за вину пророка,—того наказать, которымъ бы можно было умилостивить гнѣвъ Бога и тѣмъ спасти себя отъ гибели. Разгнѣвавшій Іегову чтитель Его долженъ самъ опредѣлить эту мѣру наказанія или же испросить ее у Самого разгнѣваннаго Бога. „Что намъ,“ спрашиваютъ они его, „съ тобою дѣлать, чтобы море для насъ утихло? Ибо море“, замѣчаетъ при этомъ по-

вѣствователь, т. е. самъ Іона, „болѣе и болѣе волновалось.“ Іона, какъ вѣрующій сынъ Израиля, и изъ закона, и изъ исторіи своего народа знаетъ, какъ Богъ ревниво охраняетъ Свою правду; онъ знаетъ, какъ Богъ строго наказываетъ ослушниковъ этой правды; онъ сознаетъ, что въ бурѣ морской открывающійся гнѣвъ Іеговы можетъ быть умилостивленъ только смертію, заслуженною пророкомъ чрезъ его противленіе Господу; въ тоже время онъ никакъ не желаетъ, чтобы и другіе изъ за него страдали; а потому на вопросъ матросовъ: что имъ дѣлать съ нимъ, чтобы море утихло? онъ прямо отвѣчаетъ; „возьмите меня и бросьте меня въ море, и море утихнетъ для васъ; ибо я знаю, что за меня постигла васъ буря сія великая“. Но опредѣленное пророкомъ самимъ для себя наказаніе такъ велико, такъ странно по исполненію, что не сразу матросы рѣшаются исполнить его, напротивъ они пытаются избѣжать какъ нибудь этого страшнаго исполненія и и потому употребляютъ всѣ условія къ тому, чтобы пристать къ берегу; однако все напрасно; море волнуется все сильнѣе и сильнѣе и тѣмъ самымъ дѣлаетъ напрасными всѣ усилія матросовъ пристать къ берегу. Накопецъ, послѣ разныхъ тщетныхъ усилій, не видя никакой иной возможности спасенія, какъ только тяжелымъ путемъ, предложеннымъ Іоною, они обращаются къ истинному Богу, чтителемъ Котораго былъ Іона, съ молитвою о томъ, чтобы Онъ смерть Іоны, въ которомъ они видятъ особеннаго служителя Божія и на котораго по этому не дерзаютъ сами возложить рукъ своихъ и только уже вынуждаемые необходимостію, вынуждаемые, такъ сказать, Самимъ Богомъ, поставившимъ ихъ въ такія тяжелыя обстоятельства, рѣшаются совершить кровавое дѣло, — не вмѣнилъ имъ въ преступленіе, достойное смертнаго наказанія. „О Іегова!“ Молятся они Ему, „да не погибнемъ за душу человѣка сего, и не возложи на насъ невинной крови (ср. Вт. 21, 8); ибо Ты, Іегова, творишь, что хочешь;“ ибо чрезъ посланіе бури чрезъ обнаруженіе жребіемъ Ты дѣло такъ поставилъ, что мы по необходимости должны Іону, какъ винов-

ника противъ Твоей воли, для умиротворенія гнѣва Твоего бросить въ море. Затѣмъ они „взяли Іону и бросили его въ море, и море тотчасъ отложило свою ярость". Внезапное прекращеніе бури показывало морякамъ, что буря эта дѣйствительно была послана Богомъ только ради Іоны и что они, бросивъ пророка въ море, не невинную кровь пролили. Въ этомъ чудесномъ карательномъ дѣйствіи Божіемъ столь явно, столь очевидно проявилась святость Божія, что корабельщики весьма устрашились Іеговы, тутъ же на кораблѣ принесли Іеговѣ жертвы и дали обѣты—принести еще новыя жертвы по благополучномъ прибытіи къ цѣли своего путешествія. (1, 11—16).

II. Спасеніе Іоны.

Брошенный въ море на вѣрную смерть Іона однако, по Божію изволенію, не погибъ. Богъ приказалъ большой рыбѣ проглотить Іону, но проглотить не затѣмъ, чтобы пожрать его, а чтобы, чудесною силою Божіею, живымъ и невредимымъ продержать его во чревѣ своемъ три дня и три ночи, а потомъ снова такимъ же невредимымъ выбросить его изъ себя (2, 1).

Рыба, проглотившая Іону, названная неопредѣленнымъ, общимъ именемъ: „большая рыба" (по перевод. LXX—κῆτος ср. Мѳ. 12, 14),—не была китъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; потому что въ Средиземномъ морѣ, гдѣ и былъ поглощенъ Іона, киты чрезвычайно рѣдко встрѣчаются и притомъ они имѣютъ горло слишкомъ узкое для того, чтобы невредимымъ проглотить цѣлаго человѣка. Это была гораздо скорѣе большая акула, или иначе морская собака, canis carcharias, или squalus carcharias,—чудовище, часто встрѣчающееся въ Средиземномъ морѣ, гдѣ оно по большей части держится въ глубинѣ моря. Чудовище это по Кювье (Tierreich, II, S. 216) достигаетъ до 25 футовъ длины, по Океню (Naturgesch. III, 2. S. 169) до 4-хъ саженъ, въ своей пасти имѣетъ до

400 копьеобразныхъ зубовъ, расположенныхъ въ клѣткахъ кожи въ 6 рядовъ. Оно чрезвычайно прожорливо, зѣвъ и пасть у него такъ широки, что чудовище цѣликомъ и очень легко можетъ проглатывать людей, морскихъ тюленей и лошадей (см. Keil, comm. ub. d. zw. proph. S. 282).

Оставаясь во чревѣ такого чудовища совершенно невредимымъ и усматривая въ этомъ несомнѣнный залогъ чудеснаго спасенія, твердо вѣрующій Іона обращается къ Іеговѣ-Богу своему съ молитвою,—но не съ молитвою о спасеніи отъ погибели, а съ молитвою уже благодаренія къ Богу и прославленія Его за дарованное Имъ спасеніе,—обращается съ молитвою къ Тому Богу, отъ Котораго хотѣлъ убѣжать, но Котораго теперь, во время тѣсноты и нужды, снова призываетъ какъ своего Бога (2, 2). Молитву свою пророкъ излагаетъ по большей части не собственными словами, а словами прежнихъ, до него составленныхъ псалмовъ,—тѣми словами, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ положенію его и вполнѣ выражаютъ собственныя, личныя его мысли и чувства. Выражая такъ свою молитву, пророкъ свидѣтельствуетъ этимъ о своемъ столь глубокомъ знакомствѣ съ священными книгами, что слово Божіе, заключенное въ этихъ книгахъ, стало его собственнымъ словомъ, такъ что онъ свои мысли и чувства не иначе можетъ выражать, какъ тѣмъ же словомъ книгъ священныхъ. Знаніе,—вполнѣ соотвѣтствующее положенію и назначенію пророка. Начиная свою прославительную молитву съ того, что Господь услышалъ вопль, обращенный къ Нему во время тѣсноты (2, 3), пророкъ затѣмъ въ двухъ строфахъ (2, 4. 5 и 2, 6—8) изображаетъ самую тѣсноту, въ какую онъ былъ приведенъ, и спасеніе изъ этой тѣсноты. Заключаетъ свою молитву пророкъ (2, 9. 10) обѣтомъ благодарности за дарованное ему спасеніе.

«Изъ тѣсноты моей,» благодарно молится Іона, «воззвалъ я къ Іеговѣ, и Онъ услышалъ меня,—изъ чрева преисподней (усиленіе того же образа—неминуемо смертной опасности, ср. пс. 17, 6. 7; 119, 1) я возопилъ и Ты услышалъ гласъ мой», и Ты спасъ меня отъ той неизбѣжной гибели, въ которую я было

попалъ. (2, 3). Какая же эта тѣснота, какая гибель случилась было съ пророкомъ? «Ты повергъ меня», раскрываетъ тѣсноту свою пророкъ, признавая виновникомъ ея не матросовъ корабля, а Самого Бога, орудіемъ Котораго были матросы, «въ пучину, въ сердце морей», повергъ въ самую бездну морскую, и струящаяся вода окружила меня; всѣ волны Твои и валы Твои; «волны и валы Тобою приведеннаго въ бурное состояніе моря «надо мною ходили»,—они, поглащая меня и свирѣпствуя надо мною, въ этомъ случаѣ, какъ безпрекословные слуги, исполняли Твою всемогущую волю (ср. пс. 41, 8, гдѣ писатель псалма говоритъ о себѣ: «всѣ воды Твои и волны Твои прошли надо мной», т. е. всѣ несчастія—одно за другимъ изливались на меня. Такимъ образомъ писатель псалма духовно пережилъ тоже самое, что Іона пережилъ не только духовно, но и буквально).

Приведенный въ такое мрачное, безнадежное состояніе,«тогда я сказалъ (въ своемъ сердцѣ, самъ себѣ): отлученъ я отъ очей Твоихъ» (сн. пс. 30, 23), навсегда я лишенъ Божія попеченія, Божія покровительства и защиты. Но на встрѣчу этой сомнѣвающейся, этой невѣрующей мысли на мгновеніе падающаго служителя Іеговы тотчасъ же является твердая, вѣрующая мысль человѣка, востающаго изъ своего паденія. «Но я снова», молился уже твердо вѣрующій читатель Іеговы, «увижу храмъ святой Твой», снова, скажемъ словами псалмопѣвца (пс. 5, 8): «по множеству милости Твоея войду въ домъ Твой», домъ явленія славы Божіей и обѣтованій Божіихъ, «и поклонюсь храму Твоему во страхѣ Твоемъ». (2, 4. 5). Это содержаніе первой строфы пророческой молитвы.

Вторая строфа молитвы тоже самое содержаніе раскрываетъ полнѣе и въ новыхъ оборотахъ рѣчи.

«Обложили меня», снова разъясняетъ пророкъ свое гибельное положеніе, «воды по самую душу» (ср. пс. 17, 5; пс. 68, 2),—обложили такъ, что стали угрожать даже лишеніемъ самой жизни,—«бездна закрыла меня», безпредѣльная глубина моря поглотила меня совсѣмъ; я былъ погруженъ на самое

дно моря, такъ, что «тростникъ», растущій на днѣ морскомъ (водоросль), «обвивался вокругъ моей головы. Я низшелъ», раскрываетъ туже мысль пророкъ, «къ корнямъ горъ», погрузился въ самую глубину морскую, гдѣ коренятся основанія горъ,—основанія, которыя, обыкновенно, лежатъ или въ глубинѣ земли, или въ глубинѣ морей (ср. пс. 17, 16). Погрузившись туда, я былъ заключенъ тамъ навсегда: «земля своими запорами заградила меня на вѣкъ». Сопоставляя это мѣсто съ подобнымъ же мѣстомъ изъ книги Іова (38, 8. 10. 11), гдѣ Богъ говоритъ о морѣ: «кто заключилъ во вратахъ море, когда оно, исторгшись изъ чрева, выступило?... Я (т. е. Богъ) провелъ вокругъ него черту мою и поставилъ запоры и врата. И сказалъ: доселѣ доходи и не далѣе и здѣсь должна сокрушаться гордость волнъ твоихъ»,—и гдѣ подъ запорами моря разумѣются стѣнки морскаго ложа, которыя служатъ границею моря и чрезъ которыя оно, по Божію установленію, переступить не въ силахъ,—подъ запорами земли здѣсь должно разумѣть такія границы, которыя препятствуютъ распространенію твердой земли насчетъ моря. Границами этими служатъ ярость и сила волнъ, которыя препятствуютъ проникновенію твердой земли въ море. Эта-то ярость волнъ и водяныхъ массъ, текущихъ надъ погруженнымъ на самое дно Іоною, и заградила, запечатлѣла, или заперла навсегда для пророка выходъ на землю, на сушу, подобно тому, какъ вдвинутые запоры въ дверяхъ дома заграждаютъ для всѣхъ входъ въ этотъ домъ. Положеніе пророка было безвыходное, погибель не отвратимая никакими силами человѣческими. Въ это-то время и является на помощь безпомощно и неминуемо погибающему пророку Божіе спасеніе, своимъ появленіемъ въ такое именно время свидѣтельствующее наглядно о всемогуществѣ и милосердіи Господа. «Но Ты, Іегова, Богъ мой», благодарственно молился пророкъ, «освободилъ жизнь мою изъ могилы» (ср. пс. 29, 4. 10). Почему же освободилъ? А потому, что «когда душа моя», говоритъ пророкъ, «унывала во мнѣ» (ср. пс. 142, 4), когда жизнь моя готова была потру-

зиться во тьму смерти, тогда «я вспомнилъ Іегову», обратившись къ Нему съ молитвою о спасеніи, «и молитва моя дошла до Тебя, въ храмъ святой Твой», дошла туда, (ср. пс. 17, 7; 87, 3), гдѣ Іегова царствуетъ какъ Богъ и царь народа Своего (2, 6—8). Но если молитва дошла до Господа, если Господь милостиво принялъ ее, то, значитъ, помощь Божія и спасеніе Его готовы и уже изливаются на того, чью молитву Господь услышалъ. Это и укрѣпляетъ пророка въ несомнѣнномъ упованіи на Бога и возбуждаетъ его къ прославленію и благодаренію своего Избавителя и Спасителя, каковою благодарственною пѣснью и заключается молитва пророка.

Для того, чтобы яснѣе выставить ту мысль, что спасеніе и избавленіе можно получить только отъ Іеговы, Бога живаго и истиннаго, пророкъ указываетъ на идолослужителей, которые чрезъ нерадѣніе оставили свою милость, оставили Бога, Который есть сама милость, Котораго владычество во всемъ мірѣ— есть владычество благости и милости, расточаемыхъ всюду, не исключая и странъ языческихъ. „Держащіеся суетности и лжи“, т. е. покланяющіеся ничтожнымъ идоламъ и держащіеся этихъ ложныхъ боговъ какъ боговъ истинныхъ, „оставили милость свою“, говоритъ пророкъ, оставили истиннаго Бога. Но не такъ поступитъ онъ—Іона. „А я“, говоритъ онъ, „съ пѣснями славословія“, съ громкою благодарственною пѣснію и молитвою (ср. пс. 41, 5) „принесу Тебѣ жертву, и что обѣщалъ“, какіе обѣты во время тѣсноты моей обѣщалъ Тебѣ, „исполню“ (ср. пс. 49, 14. 23). Въ основаніи этихъ обѣщаній пророка лежитъ твердая надежда его на то, что спасеніе его совершится, а эта надежда въ свою очередь основывается на томъ, что „спасеніе у Іеговы“, находится въ Его власти и Онъ только Одинъ можетъ даровать его (2, 9. 10). И надежда пророка не обманула его. На третій день заключенія его во чревѣ рыбы „Богъ повелѣлъ“ этой самой „рыбѣ, и она“, движимая неодолимою силою Божіею, „изрыгнула Іону на сушу“ (2, 11). Земля, на которую выбросила пророка рыба, былъ естественно берегъ Палестины, и по всей вѣроятности, не въ далекомъ разстояніи отъ Іоппіи, откуда отплылъ было Іона.

III. Покаянная проповѣдь Іоны въ Ниневіи,—гл. III.

Освободился Іона отъ опасности смерти, но не освободился отъ того тяжелаго порученія, которое заставило его бѣжать отъ лица Іеговы. Тотъ же Богъ, Который наказалъ Іону за его неповиновеніе, а потомъ спасъ его и чудесно возвратилъ въ отечественную землю,—теперь въ этой землѣ снова даетъ ему приказаніе идти въ Ниневію. „И было слово Іеговы" повѣствуется въ книгѣ пророка, „къ Іонѣ въ другой разъ и сказано: встань, поди въ Ниневію, въ большой городъ оный и проповѣдуй ей слово, которое я скажу тебѣ." Не осмѣливается Іона во второй разъ своимъ неповиновеніемъ испытывать долготерпѣніе Божіе; онъ покорно выслушиваетъ приказаніе Господа и идетъ въ Ниневію по слову Іеговы. „Ниневія же," замѣчаетъ при этомъ повѣствователь, выставляя этимъ замѣчаніемъ напередъ поводъ побудительный къ помилованію Богомъ жителей Ниневіи, „былъ большой у Бога городъ," городъ по своему народонаселенію многолюдный и своимъ многолюдствомъ склонявшій Господа къ помилованію въ случаѣ раскаянія жителей его, а по своей окружности пространный, занимавшій мѣсто „на три дня пути." Въ этотъ то большой, пространный, многолюдный городъ, и явился со словомъ Божіимъ изъ далекой, на 1500 верстъ отстоящей земли, никому не знакомый и не смотря на то дерзновенный и смѣлый иноплеменникъ—обличитель грѣховъ и преступленій языческаго всесвѣтнаго обладателя земли. Подкрѣпляемый силою Божіею, смѣло вошелъ посланникъ Божій въ городъ и здѣсь, ходя по разнымъ улицамъ и площадямъ города, въ продолженіи пути одного дня и пользуясь удобными мѣстами и удобными обстоятельствами для свой проповѣди, грозно и громко возвѣщалъ Ниневіи за грѣхи ея и злодѣянія погибель: „и началъ Іона входить въ городъ путемъ одного дня и возглашалъ и говорилъ: еще сорокъ дней и Ниневія будетъ разрушена". (3, 1—4).

Богата была послѣдствіями грозная проповѣдь пророка Господня. „Люди Ниневіи повѣрили Богу," вняли проповѣди посланника Божія и путемъ искренняго, чистосердечнаго раскаянія выразили свое глубокое смиреніе предъ Богомъ. „Они объявили постъ, одѣлись во власяницы," въ волосяныя одежды, одежды глубокой печали и траура (Іов. 16, 15; Быт. 37, 34, сн. Іоил. 1, 13; 3 Цар. 21. 27),—одѣлись „отъ большаго до малаго," отъ стараго до молодого, всѣ безъ исключенія. Даже самъ царь, когда ему сообщено было о страшной проповѣди пророка,— и тотъ всталъ съ своего славнаго престола, снявъ съ себя царскую свою одежду, покрылся власяницею и въ знакъ глубочайшей свой печали и глубокаго раскаянія сидѣлъ на пеплѣ (ср. Іов. 2, 8). Мало этого,—по волѣ и по приказанію царя и министровъ его, герольды провозгласили и объявили въ Ниневіи всеобщій постъ, постъ не только для людей, но и для скота: „люди, и скотъ крупный и мелкій", говорилось въ царскомъ указѣ, „пусть ничего не ѣдятъ, и не пасутся (на пастбищахъ) и воды не пьютъ. И пусть покроются власяницами люди и скотъ и крѣпко (громко люди и скотъ) взываютъ къ Богу и да отступятъ всѣ (каждый человѣкъ) отъ пути своего худаго и отъ обидъ, которыя на рукахъ ихъ", которыя они совершили своими руками и слѣды которыхъ остались на этихъ рукахъ и взываютъ къ Богу о мщеніи. „Кто знаетъ", покорный волѣ Бога истиннаго и глубоко кающійся говоритъ царь въ томъ же указѣ своемъ, „можетъ быть, Богъ и обратится, умилосердится и утолитъ жаръ гнѣва Своего, и не погибнемъ" (3, 5—9).

Изъ содержанія указа ясно видно, какое потрясающее дѣйствіе произвела проповѣдь на могущественнаго въ то время царя Ассирійскаго. Не менѣе, какъ и выше уже было замѣчено, потрясающее дѣйствіе произвела она и на народъ. [1])

---

[2]) Такое сильное впечатлѣніе, произведенное проповѣдью пророка на сердца язычниковъ—Ниневитянъ, будетъ для насъ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе особенно сильную и впечатлительную у жителей востока воспріимчивость ко всему выходящему изъ ряда обыкновенныхъ вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ примемъ

Народъ этотъ царскаго указа послушался, принесъ Богу чисто-сердечное искреннее покаяніе, измѣнилъ свой нечестивый образъ жизни на образъ жизни богоугодной, и Богъ, видя это, вмѣсто суда обратился къ Ниневіи съ помилованіемъ: „и Богъ увидѣлъ дѣла ихъ", говорится въ книгѣ пророка, „что они отстали отъ пути своего худаго, и отмѣнилъ Богъ бѣду, которую было предположилъ имъ сдѣлать и не сдѣлалъ". (3, 10).

Конечно, помилованіе Божіе продолжалось до тѣхъ только поръ, доколѣ народъ Ниневійскій пребывалъ въ томъ добромъ покаянномъ настроеніи, какое возбуждено было въ немъ проповѣдью пророка. Когда же Ниневія снова обратилась на свой путь нечестія и пошла по этому пути прогрессивно, когда языческое, боговраждебное направленіе ея, усиливаясь посте-

---

во вниманіе еще свойственный всѣмъ языческимъ религіямъ востока страхъ предъ невидимымъ высочайшимъ Существомъ, и съ древнихъ временъ существовавшее въ Ассиріи особенное предрасположеніе и уваженіе къ дару прорицаній и предсказаній. Къ этому надо прибавить еще одно особенное и въ данномъ случаѣ главное обстоятельство такого рода: появленіе чужестранца, который, безъ всякаго личнаго интереса, не обращая ни на что и ни на кого вниманія, съ полною свободою открываетъ великой столицѣ сильнѣйшаго въ то время царства ея нечестивыя дѣла и стремленія и при этомъ съ увѣренностію, свойственною только посланникамъ Божіимъ, истиннымъ пророкамъ Іеговы, возвѣщаетъ погибель, имѣющую непремѣнно воспослѣдовать въ извѣстное, опредѣленное прямо и точно время—все это не могло не произвесть потрясающаго дѣйствія на души впечатлительныя. Это дѣйствіе могло быть усилено еще и тѣмъ, что пророкъ въ своей проповѣди дѣйствовалъ подъ вліяніемъ силы Божіей. Эта же сила Божія особеннымъ образомъ и во имя своихъ особыхъ высшихъ цѣлей дѣйственно вліяла и на предрасположенныя къ покаянію души Ниневитянъ и возгрѣвала въ нихъ впечатлѣніе, производимое на нихъ рѣчами пророка. Дѣйствіе проповѣди пророка наконецъ могло усиленно проявляться на душахъ Ниневитянъ и отъ того, что слава о пророкахъ народа Божія была, конечно, не безъизвѣстна и въ Ниневіи. Не должно казаться страннымъ и то обстоятельство, что наружныя формы проявленія покаяннаго плача Ниневитянъ въ большей части сходны съ формами проявленія этого плача у Израиля; потому что эти наружные знаки плача не составляютъ отличительной принадлежности какого либо одного народа, а суть вообще человѣческія проявленія глубокой душевной печали и потому у всѣхъ народовъ древности они были сходны, или же совершенно тождественны между собою. Точно такимъ же напр. образомъ, какъ здѣсь описывается плачъ царя Ниневійскаго, у прор. Іезекіиля (26, 16) изображается плачъ царей Тирскихъ о погибели ихъ города, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто власяницы, въ которую

пенно, дошло до послѣдней степени проявленія своего во время всемірнаго владычества Ассирійской монархіи, когда слѣдовательно мѣра грѣховъ Ниневіи исполнилась и погибель ея вполнѣ созрѣла; тогда Богъ не замедлилъ послать ей эту погибель, ту погибель, которая впослѣдствіи была предвозвѣщена Ниневіи пророкомъ Наумомъ и совершена надъ нею Мидійскимъ царемъ Ціаксаромъ въ союзѣ съ Набопаласcаромъ, царемъ Вавилонскимъ.

IV. Недовольство Іоны и вразумленіе его, гл. IV.

Прошло сорокъ дней грозной проповѣди Іоны и Ниневія, какъ помилованная Богомъ за свое глубокое раскаяніе, не была чрезъ 40 дней разрушена. Это раздражило Іону. Какъ плотски въ этомъ случаѣ мысливішій израильтянинъ, присвоявшій только своему народу Божіи милости и обѣтованія, (какъ и выше было замѣчено), пророкъ въ помилованіи Ниневіи видѣлъ ущербъ для Израиля и потому въ досадѣ и гнѣвѣ молится къ Богу и говоритъ: „о Іегова! не это ли думалъ я", не думалъ ли я, что Ты не погубишь Ниневіи, если она покается? Не думалъ ли я это, „когда еще былъ на землѣ своей

одѣвается царь Ниневійскій, цари Тирскіе облекаются въ трепетъ. Даже и эта особенная черта,—а именно принятіе участія скота въ печали жителей Ниневіи, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Геродотъ повѣствуетъ напр. (IX, 24), что Персы свойственнымъ варварамъ образомъ почтили смерть героя своего Масистіаса, павшаго въ сраженіи при Платеѣ, почтили тѣмъ, что обрили волосы у лошадей. Обычай привлекать къ участію въ печали людской и животныхъ легко могъ образоваться изъ того представленія, что между человѣкомъ и домашними животными его, какъ собственностію его, находится жизненное общеніе, и введеніе ихъ Ниневитянами въ печаль свою было проявленіемъ того чувства, что если животныя могутъ сострадать людямъ въ горѣ, постигающемъ послѣднихъ за грѣхи ихъ, то въ свою очередь страданія этихъ животныхъ, переносимыя ими за людей, могутъ способствовать умилостивленію Божія гнѣва. Если чувство это и несвободно могло быть отъ суевѣрій; при всемъ томъ въ основѣ его все таки лежитъ та истина, что неразумная природа ради грѣховъ человѣка подпала тлѣнію и вмѣстѣ съ людьми совоздыхаетъ объ освобожденіи отъ этого рабства тлѣнію (Рим. 8, 19—23).

(въ Палестинѣ)? Потому-то“, т. е. ради того, чтобы воспрепятствовать проявленію Твоего милосердія надъ Ниневіею, „я и бѣжалъ въ Ѳарсисъ; ибо я зналъ, что Ты Богъ человѣколюбивый и милосердый, долготерпѣливый, многомилостивый и жалѣешь дѣлать зло“. И вотъ потому, что грозное слово пророка надъ Ниневіею не осуществилось, онъ проситъ себѣ у Бога смерти, подобно тому, какъ прежде Илія пророкъ, ревнуя о славѣ Божіей и сокрушаясь о видимой безплодности своей дѣятельности во имя этой славы, тоже просилъ себѣ у Бога смерти (3 Цар. 19, 4). „И такъ возьми“, молился возмущенный въ душѣ своей пророкъ, „Іегова душу мою отъ меня; ибо мнѣ лучше умереть, нежели жить“. На это Богъ, вразумляя гнѣвнаго пророка, отвѣчалъ ему: „хорошо ли это, что ты огорчился“, справедлива ли, т. е., твоя досада, правъ ли твой гнѣвъ? Отвѣтъ выраженъ въ такой формѣ, что не исключалъ возможности исполненія въ скоромъ будущемъ предсказаннаго пророкомъ и чрезъ 40 дней не исполнившагося суда надъ Ниневіею. И потому пророкъ, получивъ такой отвѣтъ отъ Господа, не оставилъ Ниневіи со всѣмъ, а вышедши изъ города, на гористой восточной сторонѣ его „поставилъ себѣ шалашъ, тамъ и сидѣлъ подъ нимъ, въ тѣни, чтобы смотрѣть, что будетъ съ городомъ“ (4, 1—5).

Но напрасно пророкъ ожидалъ погибели города. Она не приходила. Между тѣмъ, чтобы окончательно вразумить пророка, предъ самымъ шалашомъ Богъ повелѣлъ подняться изъ земли одному тѣнистому растенію [3]), подняться выше Іоны, чтобы

---

[3]) Греческіе переводчики называютъ его тыквою, а Акила, Симмахъ и Ѳедотіонъ—плющемъ. Блаж. Іеронимъ такъ отзывается о немъ: „Вмѣсто тыквы, или плюща, мы читаемъ въ еврейскомъ подлинникѣ кикаіонъ. Это родъ кустарника или деревца на подобіе виноградныхъ, у котораго чрезвычайно густая тѣнь, и которое держится на своемъ стеблѣ. Оно очень часто попадается въ Палестинѣ, въ особенности въ песчаныхъ мѣстахъ. И удивительное дѣло: если бросить сѣмя въ землю, оно быстро нагрѣвается и поднимается деревомъ; въ нѣсколько дней что̀ ты видѣлъ травою, уже находишь деревцомъ“. Еврейское слово *кикаіонъ* произошло отъ Египетскаго *кики*, объ маслѣ котораго упоминаетъ Геродотъ 11,94

тѣнь была надъ головою его". Сдѣлавъ это Господь затѣмъ, „чтобы избавить его (пророка) отъ горести его", чтобы чрезъ выращеніе тѣнистаго растенія получить наилучшій поводъ вразумить Іону и освободить душу его отъ недовольства и раздраженія на то, что Ниневія не гибнетъ отъ Божіихъ казней. „И весьма радъ былъ сему тѣнистому растенію Іона", радъ былъ потому, что усматривалъ въ чудесномъ выращеніи растенія знаменіе Божія благоволенія и соизволенія на намѣреніе пророка ожидать погибели Ниневіи. Но увы! радость пророка недолго продолжалась. При появленіи же на слѣдующій день утренней зари, „Богъ повелѣлъ червю подточить тѣнистое растеніе и оно засохло. Потомъ, когда взошло солнце, Богъ повелѣлъ дуть восточному знойному вѣтру и (при томъ еще) солнце стало ударять въ голову Іоны". И отъ жгучаго вѣтра и отъ палящихъ, ударявшихъ прямо въ голову лучей солнца Іона впалъ и духомъ и тѣломъ въ крайнее изнеможеніе и снова сталъ просить у Бога „душѣ своей смерти". Онъ снова говорилъ къ Богу: „лучше мнѣ умереть, нежели жить". Тогда „Богъ сказалъ Іонѣ: хорошо ли это", по праву ли это „что ты огорчился за тѣнистое растеніе? По справедливости мнѣ горько до смерти", отвѣчалъ Господу Іона. На это Господь возразилъ Іонѣ: „ты жалѣешь тѣнистаго растенія, надъ которымъ ты не трудился и котораго ты не ростилъ, которое было-дщерь ночи, и какъ дщерь ночи пропало", т. е. которое въ ночь поднялось и въ ночь пропало. Послѣ этого, „Мнѣ ли", вразумлялъ Господь Іону, „не пожалѣть Ниневіи, сего большаго города, въ которомъ болѣе ста двадцати тысячь человѣкъ, неумѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, и множество скота"? Говоря такъ, Господь прямо указываетъ Іонѣ на противорѣчіе, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Онъ жалѣетъ растенія, надъ которымъ нисколько не трудился, которое явилось

и Плиній, Ист. Ест. 15, 7. Плиній называетъ его Cicinus, *клещевица*. (См. свящ. Ист. В. З. Богословскаго, прим. стр. 403—404). У Сирійцевъ оно извѣстно подъ именемъ: elkeroa, а въ Палестинѣ: palma Christi (Keil, Cmm. ub. d. zw. proph. 293)

по волѣ Божіей, и въ тоже время гнѣвается на то, что Богъ щадитъ Ниневію, въ которой живутъ во множествѣ созданія промыслительной десницы Божіей и притомъ рядомъ съ людьми грѣшными, положимъ, заслуживающими наказанія, живетъ огромное количество дѣтей, не имѣющихъ еще представленія о томъ, что справедливо и что нѣтъ, что добро и что зло, и потому неподлежащихъ закону вмѣненія. Кромѣ этихъ высшихъ на землѣ созданій Божіихъ въ Ниневіи есть множество созданій сравнительно низшихъ, но въ отношеніи къ сожалѣемому пророкомъ, засохшему тѣнистому растенію все таки высшихъ, а именно въ ней есть множесıво скота. Что могъ на это отвѣтить Іона? Какъ Іовъ, неразумно вызвавшій Бога на судъ съ собою, долженъ былъ глубоко сознаться въ своей неправотѣ, когда Богъ явился и вразумилъ его; такъ и Іона, вразумленный Богомъ, долженъ былъ сознать неправоту своего ропота и своимъ молчаніемъ выразить полную, безпрекословную покорность Божіимъ опредѣленіямъ (4, 6—11).

Вразумленіемъ Іоны со стороны Бога книга и кончается; потому что даннымъ повѣствованіемъ вполнѣ достигается цѣль книги—показать предъ лицемъ Израиля, что милосердіе Божіе, простираясь на избранный народъ, въ тоже время обнимаетъ собою и другіе народы.

Такимъ образомъ и по содержанію своему, и по формѣ изложенія книга пророка Іоны походитъ болѣе на тѣ разсказы о дѣятельности пророковъ, какіе мы имѣемъ въ историко-пророческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, напр. на разсказы объ Иліи и Елисеѣ (3 Цар. 17—19; 4 Цар. 2. 4—9), нежели на писанія малыхъ пророковъ. И не смотря на то, книга эта составителями священнаго канона поставлена въ ряду книгъ пророческихъ? Причина такого, повидимому, страннаго явленія заключается въ особенномъ значеніи той миссіи, которую, по Божію порученію, исполнялъ Іона и которая составляетъ предметъ книги.

Изъ всей исторіи своей жизни Израиль могъ ясно видѣть свое предпочтеніе Богомъ предъ всѣми остальными народами

міра. При посредствѣ цѣлаго ряда чудесныхъ пораженій врага Израиль былъ выведенъ Іеговою изъ земли рабства—земли Египетской; потомъ, чудеснымъ образомъ Тѣмъ же Іеговою былъ водимъ по разнымъ сухимъ, безплоднымъ пустынямъ, питаемъ тамъ и спасаемъ отъ враговъ. Тѣмъ же Іеговою онъ былъ введенъ въ завѣтъ съ Собою, какъ народъ избранный, удостоенъ наслѣдія обѣтованной земли, текущей медомъ и млекомъ, а что всего важнѣе, сдѣланъ хранителемъ Богооткровеннаго закона и вѣчныхъ Божественныхъ обѣтованій о спасеніи всего человѣчества и вѣчной счастливой будущности его. Такое постоянное Богомъ предпочтеніе Еврейскаго народа, имѣющее свое основаніе въ Божіемъ домостроительствѣ спасенія нашего,—предпочтеніе предъ прочими народами само по себѣ легко могло привести Израиля къ гордому сознанію своего личнаго превосходства надъ язычниками; и обѣтованія Божія, данныя въ лицѣ праотцевъ всему человѣчеству, при такомъ сознаніи могли быть имъ присвояемы исключительно себѣ и притомъ, при упадкѣ сердечной любви къ своему благодѣтелю, могли быть присвояемы имъ не на основаніи своей вѣрности Богу, которую онъ часто нарушалъ богоотступничествомъ, а на основаніи только своей принадлежности къ избранному народу и на основаніи своего непосредственнаго происхожденія отъ тѣхъ праотцевъ, которымъ даны были обѣтованія.

Такого рода направленіе, отклоняющее язычниковъ отъ всякаго участія въ Божіихъ о спасеніи обѣтованіяхъ и все предоставляющее одному народу завѣта синайскаго, ко временамъ пророка Іоны до того укоренилось въ Израилѣ, что даже самъ Іона, какъ сказано выше, не былъ свободенъ отъ него. А послѣ временъ Іоны оно должно было еще болѣе укорениться и дойти до послѣднихъ предѣловъ своего развитія, какъ оно дѣйствительно и дошло въ фарисействѣ, мы говоримъ: *еще болѣе* — потому, что въ это время выступали обстоятельства, особенно благопріятствовавшія его укорененію и развитію. Израиль своимъ противленіемъ волѣ Божіей переступалъ уже границы Божія долготерпѣнія; ни благодѣянія, ни угрозы, ни

частныя наказанія—ничто не дѣйствовало благотворнымъ образомъ на загрубѣлыя сердца упорнаго народа. И вотъ, исходя изъ времени жизни пророка, недалеко было то время, когда Богъ предастъ свой нѣкогда имъ возлюбленный, а теперь отверженный народъ во власть тѣхъ язычниковъ, на которыхъ этотъ народъ, гордый своими преимуществами, привыкалъ смотрѣть съ презрѣніемъ. Но если его сознаніе прежде уже отказывало язычникамъ въ участіи въ спасеніи; то тѣмъ рѣшительнѣе и безпрекословнѣе оно должно было отказывать имъ въ этомъ спасеніи въ то время, когда язычники сдѣлались обладателями и тягостными владыками для Израиля; а пророческое возвѣщеніе о судѣ Божіемъ надъ язычниками подсказывало этому сознанію думать и вѣрить, что всѣ язычники, какъ непринадлежащіе къ племени избраннаго народа и потому лишенные спасенія, должны всѣ и всецѣло погибнуть. Этимъ и объясняется то, почему Богъ, на самомъ, такъ сказать, изломѣ исторической жизни Израиля воздвигаетъ пророка и облекаетъ его миссіею фактически отвергнуть заблужденіе Израиля относительно язычниковъ.

Между тѣмъ какъ другіе пророки положеніе язычниковъ къ Израилю въ близкой и отдаленной будущности его возвѣщали *словомъ* и въ своихъ пророчественныхъ рѣчахъ предсказывали, какъ отданіе Израиля во власть язычниковъ, такъ равно и обращеніе нѣкогда язычниковъ къ живому Богу и принятіе ихъ въ царство Божіе; пророкъ Іона, по Божію порученію, долженъ былъ *не словомъ, но дѣломъ*, долженъ былъ *символико-типическимъ* образомъ, или образно и прообразовательно представить и чрезъ то возвѣстить не только способность язычниковъ къ воспріятію и усвоенію Божіей благодати, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеніе Израиля къ Божественному, спасительному опредѣленію объ облагодатствованіи язычниковъ съ послѣдствіями этого облагодатствованія.

Способность язычниковъ къ воспріятію и усвоенію открываемаго въ Израилѣ спасенія довольно ясно обнаружилась уже въ поведеніи язычниковъ-матросовъ того корабля, на которомъ

спасался бѣгствомъ Іона. Узнавъ о причинѣ бури морской и исполняя Божій приговоръ надъ Іоною, они приходятъ въ благоговѣйный трепетъ предъ всемогущимъ Іеговою, Господомъ неба и земли, взываютъ къ Нему, приносятъ жертвы, даютъ обѣты. Но еще болѣе эта способность проявилась въ томъ впечатлѣніи, какое произвела на жителей Ниневіи проповѣдь Іоны, такъ что цѣлое населеніе города съ царемъ во главѣ во вретищѣ и пепелѣ принесло Богу Израилеву единодушное и чистосердечное покаяніе. Отношеніе Израиля къ Божію опредѣленію объ оказаніи милосердія язычникамъ и о дарованіи имъ спасенія,—опредѣленію, проявленному въ благосклонномъ со стороны Господа принятіи покаянія Ниневитянъ, выражается въ отношеніи Іоны къ Божію порученію и поведеніи его при исполненіи сего порученія. Іона отъ даннаго ему Богомъ порученія—возвѣстить слово Божіе въ Ниневіи хочетъ освободиться бѣгствомъ въ Ѳарсисъ; потому что онъ не желаетъ милосердія и помилованія великому языческому городу; потому что онъ боится (4,2), что проповѣдь о покаяніи можетъ отвратить угрожающую Ниневіи погибель. Въ этомъ образѣ мыслей, какъ и выше замѣчено, отображается образъ и направленіе мыслей Израиля относительно язычниковъ. Какъ естественный человѣкъ, какъ природный членъ своего народа, Іона раздѣляетъ такой образъ мыслей и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ себя какъ представителя гордаго своимъ избраніемъ народа Еврейскаго. Но тутъ не весь Іона, тутъ только ветхій человѣкъ его, противящійся Богу; между тѣмъ какъ его лучшее „*я*“ внимаетъ гласу Божію и глубоко воспринимаетъ его въ свое сердце. Когда, во время свирѣпствованія бури на морѣ, онъ, посредствомъ жребія, обнаруживается какъ виновный; тогда во всеуслышаніе онъ исповѣдуетъ свой проступокъ и требуетъ отъ корабельщиковъ, чтобы они ради своего спасенія, бросили его въ море; потому что собственно и единственно изъ-за него постигла ихъ великая буря (1, 10—12).

Въ опредѣленіи наказанія, постигшаго пророка за его противодѣйствіе Божіей волѣ, предизображается то отверженіе

Израиля отъ лица Божія, которое народъ этотъ навлекаетъ на себя своимъ упорнымъ противленіемъ Божію зову. Но въ море брошенный Іона поглощается большою рыбою и, когда онъ, пребывая невредимымъ въ чревѣ ея, обращается къ Богу съ молитвою; то снова выбрасывается ею, по Божію приказанію, цѣлымъ совершенно на берегъ. Это чудо спасенія также имѣло символическое значеніе для Израиля. Оно показывало, что противо-божественно мыслящій, плотской народъ, если во время смертельной нужды, имѣвшей постигнуть его, обратится съ молитвою къ Богу; то чудомъ Божіимъ будетъ возстановленъ изъ состоянія окончательной, по видимому, погибели къ новой жизни. Наконецъ способъ, какимъ Богъ вразумляетъ пророка, ропщущаго на помилованіе Ниневитянъ, долженъ былъ какъ въ зеркалѣ представить всему Израилю для его болѣе правильнаго пониманія и сердечнаго принятія то величіе Божія милосердія, которое охватываетъ собою все человѣчество: „Ты жалѣешь тѣнистаго растенія“, вразумляетъ Богъ Іону, „надъ которымъ ты не трудился, и котораго не ростилъ, которое было дщерь ночи, и какъ дщерь ночи пропало. Мнѣ ли не пожалѣть Ниневіи, сего большаго города, въ которомъ болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ, неумѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, и множество скота“? (4, 10—11).

Но однимъ только символическимъ характеромъ глубокій смыслъ исторической миссіи Іоны не исчерпывается. Смыслъ этотъ расширяется и вмѣстѣ съ тѣмъ завершается въ типическомъ, прообразовательномъ характерѣ трехсуточнаго пребыванія во чревѣ рыбы. Когда Іудеи потребовали отъ Іисуса Христа нѣкотораго великаго небеснаго знаменія, по которому бы они могли признать Его за Мессію; то Онъ въ отвѣтъ имъ указалъ на знаменіе пророка Іоны: „какъ Іона былъ во чревѣ кита три дня и три нощи; такъ и Сынъ человѣческій“, говорилъ Спаситель, „будетъ въ сердцѣ земли три дня и три нощи“ (Мѳ. 12, 40; 16, 4; Лук. 11, 39). Такимъ образомъ трехсуточное пребываніе пророка во чревѣ рыбы, по ученію Господа, служило типомъ, прообразомъ трехсуточнаго же пребыванія

Спасителя во гробѣ. Ключъ къ пониманію такой Богоустановленной связи прообразовательнаго событія съ противообразомъ его даетъ намъ отвѣтъ Іисуса Христа, когда, не задолго до Его страданій и смерти, апостолы Филиппъ и Андрей сказали Ему, что изъ пришедшихъ на поклоненіе въ праздникъ (Пасху) находятся нѣкоторые Эллины, которые охотно желаютъ видѣть Его. „Пришелъ часъ прославиться Сыну человѣческому", сказалъ въ отвѣтъ апостоламъ Своимъ Іисусъ, и затѣмъ продолжалъ: „истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода" (Іоан. 12, 23—24). Отвѣтъ показываетъ, что время допустить язычниковъ ко Христу еще не приходило до прославленія Его чрезъ страданія, смерть и воскресенія; но въ словахъ: „пришелъ часъ прославиться Сыну человѣческому" тотчасъ же влагается обѣтованіе, что язычники должны пождать еще немного, чтобы получить доступъ; такъ какъ съ прославленіемъ, имѣвшемъ скоро, въ самомъ ближайшемъ будущемъ совершиться,—съ прославленіемъ именно Сына человѣческаго непосредственно связывается ихъ соединеніе со Христомъ, почему цѣлая рѣчь Спасителя, высказанная Имъ по этому случаю, заключается словами: „и когда Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ" (Іоан. 12, 32). Эти изреченія Господни, показывающія, что смерть и прославленіе Господа-Мессіи необходимы для того, чтобы разрушить преграду, отдѣлявшую до сихъ поръ язычниковъ отъ царства Божія (см. Іоан. 10, 15—16), научаютъ насъ прежде всего признать миссію Іоны какъ важный, знаменательный моментъ въ развитіи Божія домостроительства нашего спасенія.

Когда Ассиріане достигли всемірнаго владычества и когда должна была начаться отдача Израиля во власть язычниковъ; тогда Іегова посылаетъ пророка Своего въ Ниневію, чтобы проповѣдать этой столицѣ всемірной монархіи Его всемогущество, правду и милость ко всѣмъ, имѣвшія раскрыться въ наступавшихъ великихъ событіяхъ плѣненія народа Божія чуждыми народами; потому что это плѣненіе, отяготѣвшее надъ Изра-

илемъ какъ наказаніе за его идолослуженіе. должно было въ то же время, по Божію опредѣленію, проложить путь къ распространенію царства Божія надъ всѣми народами. Язычники должны были научиться бояться Бога, Владыки неба и земли и, научившись, не только приготовить освобожденіе изъ-подъ своей власти народа Израилева, очищеннаго наказаніемъ, но и себя самихъ убѣдить въ ничтожествѣ своихъ идоловъ и искать спасенія у Бога Израилева. Если изъ сказаннаго выясняется глубокая, тѣсная связь миссіи Іоны въ Ниневіи съ Божественными планами спасенія человѣчества; то прообразовательный, типическій смыслъ становится вполнѣ яснымъ изъ того, что пережилъ пророкъ при исполненіи этой миссіи. Между тѣмъ какъ наказаніе, которое пророкъ навлекъ на себя своимъ противленіемъ волѣ Божіей, научаетъ насъ, что Израиль съ своимъ естественнымъ, національнымъ духомъ долженъ умереть съ тѣмъ, чтобы изъ смерти древней, грѣховной обособленности возникъ новый народъ Божій, который бы, умерши закону, служилъ Господу въ свободѣ духа; въ смертныхъ страданіяхъ и спасеніи Іоны Богъ установилъ прообразъ для смерти и воскресенія Іисуса Христа ради спасенія цѣлаго міра. Какъ Божій рабъ Іона былъ отданъ на смерть для того, чтобы порученное ему дѣло—возвѣстить Ниневитянамъ судъ и милосердіе Бога—исполнить благоуспѣшно; такъ и Божій Сынъ, чтобы принести плодъ для всего міра, долженъ былъ быть положеннымъ какъ пшеничное зерно въ землю. Въ этомъ лежитъ сходство между прообразомъ (Іоною) и противообразомъ его (Мессіею). Но Іона заслужилъ наказаніе, Христосъ же напротивъ страдалъ, будучи Самъ совершенно невиненъ и, имѣя Самъ въ Себѣ жизнь самосущую, шелъ добровольно на смерть, чтобы исполнить волю Отца. Въ этомъ различіи состоитъ несходство, по которому прообразъ остается далеко позади противообраза. Но и тутъ, и въ этомъ различіи можно признать нѣкоторое между Іоною и Іисусомъ Христомъ подобіе, котораго нельзя опускать безъ вниманія. Іона какъ естественный человѣкъ умираетъ за грѣхъ, общій у него съ народомъ его;

Христосъ умираетъ за грѣхи народа Своего, взятые Имъ на Себя за тѣмъ, чтобы на Себѣ же вынести и наказаніе за нихъ, и притомъ Онъ умираетъ еще и какъ членъ того народа, отъ котораго произошелъ по плоти, умираетъ какъ такой, который былъ рожденъ подъ закономъ, чтобы возстать Спасителемъ всѣхъ народовъ.

И такъ, изъ ближайшаго разсмотрѣнія символико-типическаго характера миссіи Іоны открывается, что книга пророка Іоны есть такая же пророческая книга, какъ и книги другихъ пророковъ, что въ ней предсказывается: объ отверженіи Израиля за его противленіе волѣ Божіей и преданіе его во власть смертельной нужды, объ освобожденіи отъ этой нужды въ случаѣ его раскаянія и обращенія къ Іеговѣ; о страданіяхъ, смерти и воскресеніи Спасителя рода человѣческаго и благоуспѣшныхъ послѣдствіяхъ ихъ, о принятіи язычниковъ къ участію во спасеніи и недружелюбномъ отношеніи къ этому принятію потомковъ по плоти Авраама, Исаака и Іакова. Различіе между этою книгою и прочими пророческими книгами въ томъ только, что она пророчествуетъ въ прообразовательныхъ дѣйствіяхъ; тогда какъ прочія книги пророчествуютъ въ проповѣдяхъ, или рѣчахъ. Слѣдовательно книга пророка Іоны по праву занимаетъ назначенное ей составителями канона мѣсто.

Фактическая достовѣрность книги, т. е. то, что содержаніе книги не есть миѳъ, или параболическое произведеніе, притча, или же описаніе нѣкоторыхъ символическихъ дѣйствій, пережитыхъ пророкомъ въ духѣ, а есть чисто историческій разсказъ о событіяхъ, дѣйствительно совершившихся въ жизни пророка, основывается на слѣдующихъ данныхъ:

а) Въ книгѣ содержится много историческихъ и географическихъ чертъ историческаго характера. Посольство, наприм., Іоны въ Ниневію вполнѣ соотвѣтствуетъ тому времени, когда только что наступили первыя соприкосновенія Израиля съ Ассуромъ (Ос. 5, 13, 10, 6) и когда 12 лѣтъ только спустя по смерти Іеровоама II, во время царствованія Менагема (Манаима) уже чрезъ Ассиріанъ начала обрушиваться надъ царствомъ

Израилевымъ угрожаемая ему пророкомъ погибель. Описаніе величины Ниневіи (3, 3: «на три дня пути») вполнѣ согласуется со свидѣтельствами объ этомъ предметѣ древнихъ историковъ. По Страбону (XVI, 1, 3) Ниневія была больше Вавилона, имѣвшаго по его сказанію, 365 стадій въ окружности; тогда какъ Ниневія, по сказанію Ктезія у Діодора Сицилійск. (11, 3), имѣла въ окружности 480 стадій, или около 100 верстъ. Между тѣмъ Геродотъ (V, 53) дневной путь полагаетъ во 160 стадій (см. Ист. 13. 3. Богосл. с. 401); слѣдовательно 480 стадій составляютъ пространство трехдневнаго пути. Новѣйшія раскопки и прежде всего плодотворныя открытія Англичанина Лейярда убѣдительнѣйшимъ образомъ подтверждаютъ свидѣтельство древнихъ. Въ слѣдствіе этихъ раскопокъ между прочимъ открыто, что Ниневіею назывался въ древности и одинъ отдѣльный городъ, и цѣлый участокъ земли, имѣющій въ окружности около 17 Прусскихъ миль, расположенный въ видѣ трапеціи. Принимая во вниманіе четыре группы развалинъ, находящіяся при селеніяхъ Нимрудъ, Куюнджукъ, Хорсабадъ, и Карамлесъ, полагаютъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся эти развалины, въ древнія времена цвѣтущаго состоянія царства Ассирійскаго стояли города, или лучше, какъ называетъ ихъ Лейярдъ, кварталы, части одного и того же города Ниневіи. Каждый изъ этихъ кварталовъ имѣлъ въ себѣ, какъ средоточіе, особый царскій дворецъ; каждый изъ нихъ въ извѣстное время служилъ мѣстопребываніемъ царя, каждый былъ окруженъ особою стѣною и укрѣпленіями и заключалъ въ себѣ, кромѣ жилыхъ домовъ, сады и земли, отведенныя подъ охоту. Промежутки между кварталами заняты были домами частныхъ лицъ, стоявшими посреди садовъ, рощъ и пашенъ. Кварталы эти, или города и были расположены по угламъ той трапеціи, которая составляла участокъ, занимаемый въ древности Ниневіею, причемъ одинъ изъ этихъ кварталовъ и расположенный на сѣверо-западномъ углу трапеціи при рѣкѣ Тигрѣ, носилъ названіе Ниневіи. Другіе кварталы, построенныя въ разныя времена, имѣли свои названія; а всѣ вмѣстѣ, вмѣстѣ

со всѣмъ участкомъ земли, на которомъ они были расположены, носили одно общее названіе Ниневіи, въ обширномъ значеніи этого слова (см. Ист. Вебера 1, 92; Comm. Keil ub. d. zw. proph. 217). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Ниневія и называется у Іоны большимъ городомъ. Населенность Ниневіи, основываясь на расчисленіи *Нибура* (см. Keil-Comm. ub. d. zw. proph. 295), также вполнѣ соотвѣтствуетъ величинѣ ея. 120,000 дѣтей, неумѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, т. е. недостигшихъ семилѣтняго возраста, такъ какъ на востокѣ седьмой годъ считался годомъ, раздѣляющимъ возрасты дѣтскій и дальнѣйшій юношескій, даютъ все населеніе Ниневіи въ 600,000 человѣкъ, потому что число дѣтей въ указанномъ возрастѣ, по Нибуру, вообще составляетъ $^1/_5$ часть всего народонаселенія. Но 600,000 тысячъ человѣкъ для участка земли въ въ 17 Прусскихъ квадратныхъ миль совершенно соразмѣрное количество, гдѣ на каждую квадратную милю приходится круглымъ числомъ, включая сюда и населенность четырехъ большихъ городовъ, или кварталовъ, около 35000 человѣкъ. Глубокое нравственное развращеніе Ниневіи подтверждается свидѣтельствами другихъ пророковъ, напр. свидѣтельствами Наума (3, 1) и Софоніи (2, 13—15.) Трауръ, наложенный на людей и скотъ, подтверждается, какъ замѣчено выше, Геродотомъ, который говоритъ объ этомъ, какъ всеобщемъ обычаѣ Азіи.

б) Содержаніе книги по своему внутреннему характеру и цѣли несовмѣстно съ предположеніемъ, что книга эта заключаетъ въ себѣ описаніе символическихъ дѣйствій, пережитыхъ пророкомъ въ духѣ. Если Богъ поручаетъ когда либо пророку совершить какое либо символичеекое дѣйствіе въ духѣ (см. напр. Ис. 20, 2; Іер. 13, 1—7; Іезек. 3, 24—5), то пророкъ въ духѣ же исполняетъ это дѣйствіе безпрекословно. Исаія ходитъ нагъ и босъ три года въ указаніе и предзнаменованіе Египту и Ефіопіи: Іеремія покупаетъ льняной поясъ, опоясывается имъ, потомъ несетъ его на Евфратъ, прячетъ тамъ въ каменное ущелье; затѣмъ снова идетъ къ Евфрату и выкапы-

ваетъ такъ спрятанный и сгнившій уже поясъ. Іезекіиль запирается въ дому своемъ и тамъ связанный верьями и совершенно безмолвный лежитъ сначала на лѣвомъ боку своемъ триста девяносто дней, а потомъ еще на правомъ сорокъ дней. А Іона поступаетъ напротивъ. Онъ бѣгствомъ старается освободиться отъ исполненія Божественнаго порученія, за что и наказывается. Это уже противорѣчитъ характеру чисто символическаго, только въ духѣ пророкомъ переживаемаго дѣйствія, и показываетъ, что книга излагаетъ факты, происходившіе во внѣшней дѣйствительности. Правда, посольство Іоны въ Ниневію имѣетъ свою главную цѣль не въ томъ, чтобы совершить обращеніе Ниневіи къ живому Богому, а въ томъ, чтобы выставить въ ясномъ свѣтѣ ту истину, что и язычники способны къ воспріятію Божественной истины и чрезъ то показать возможность принятія и ихъ нѣкогда въ царство Божіе. Но и эта цѣль могла быть наиболѣе лучшимъ образомъ достигнута только чрезъ дѣйствительное путешествіе Іоны въ Ниневію, а не простое какое либо символическое дѣйствіе. Истина, что и язычники способны къ усвоенію царства Божія, наиболѣе убѣдительнымъ образомъ могла быть доведена до сознанія Израиля только чрезъ дѣйствительную проповѣдь погибели нечестивому городу за его безбожіе и чрезъ опытное убѣжденіе въ выставленныхъ въ книгѣ пророка Іоны послѣдствіяхъ этой проповѣди.

в) Содержаніе книги по всей основной идеѣ и по психологически вѣрному изображенію какъ личности пророка, такъ и остальныхъ лицъ—матросовъ и жителей Ниневіи не соединимо съ предположеніемъ, что книга есть параболическій, или миѳическій вымыселъ позднѣйшаго Іудейства,—временъ плѣна Вавилонскаго [1]. Основная мысль книги, что Іегова и языч-

---

[1] Впрочемъ касательно болѣе точнаго опредѣленія происхожденія книги въ болѣе позднее время приверженцы этого мнѣнія разногласятъ: напр. Гольдгоръ относитъ происхожденіе книги ко временамъ Ассирійск. плѣна; Розенмюллеръ и Бертольдъ—ко временамъ Іосіи, Ягеръ—ко временамъ Вавилон. плѣна; Янъ, Кно

никамъ оказываетъ Свое милосердіе, не могла возникнуть въ головѣ Іудея, себя только считавшаго достойнымъ милости Божіей, особенно не могла возникнуть въ то время, когда язычники держали въ плѣну у себя избранный народъ и за это подвергались отъ пророковъ угрозамъ наказаніемъ Божіимъ. Не могла возникнуть и эта мысль, что истинный пророкъ Господенъ осмѣливается противиться волѣ Божіей и не хочетъ исполнять приказаній Его. Равнымъ образомъ, странно также для потомка Авраама находящееся въ книгѣ изображеніе язычниковъ—матросовъ, которые обращаются съ своею молитвою не только къ своимъ богамъ, но, послѣ того, какъ слышатъ объ Іеговѣ, взываютъ о помощи къ Нему и обѣщаютъ Ему обѣты,—странно потому, что Израиль временъ владычества Ассирійскаго и Вавилонскаго и дальнѣйшихъ, считалъ язычника лишеннымъ спасенія Божія и даже неспособнымъ къ нему. А вѣрующіе въ Бога истиннаго и во вретищѣ и пеплѣ приносящіе Ему покаяніе Ниневитяне съ одной стороны, и бѣгущій отъ Іеговы и продолжающій роптать на оказанное Богомъ милосердіе къ язычникамъ,—роптать даже тогда, когда онъ такъ чудесно самъ былъ спасенъ и вразумленъ Богомъ, пророкъ Израильскій съ другой—выставляютъ по своему контрасту такія историческія черты, которыя исключаютъ всякую возможность вымысла.

г) То, что книга пророка Іоны помѣщена между книгами пророческими, служитъ также подтвержденіемъ того, что эта книга имѣетъ фактическую вѣрность. Если бы собиратели канона не были убѣждены въ историчности разсказа, если бы они считали этотъ разсказъ аллегоріею, или притчею, содержащею въ себѣ религіозно-назидательныя истины; то они помѣстили бы книгу Іоны не между книгами пророческими, а между развѣ агіографами.

бель, Эвальдъ, Мейеръ—ко временамъ послѣ плѣна Вавилон., а Гитцигъ—ко временамъ Маккавейскимъ—и проч. (см. Keil, Lehrbuch d. hist.—Krit. Einl. in. d. A. T. 296).

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

www.bible-mda.ru

Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской православной духовной академии (www.mpda.ru), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — доцент протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Димитрий Юревич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте в формате djvu.

На сайте кафедры

www.bible-mda.ru

- ✔ электронные книги для свободной загрузки
- ✔ информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе
- ✔ информация об издаваемых кафедрой новых книгах
- ✔ методические материалы по библеистике
- ✔ пособия и источники для изучения Священного Писания

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

«СЕРАФИМ»

www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской православной духовной академии.

На сайте Фонда

www.seraphim.ru

- **информация о деятельности Фонда**
- **информация о проектах, осуществляемых Фондом**
- **контактная информация для связи с представителями Фонда**
- **возможность заказа он-лайн книг и компакт-дисков, подготовленных к изданию при участии Фонда**